

ПУБЛИКАЦИИ

ТИБЕРИЙ
(поэма)

Оглядевшись,
Тиберий ужаснулся:
всюду валялись
черепки греческих ваз,
обломки человеческого достоинства,
обрывки дорогих восточных тканей,
щепки душевного благородства,
клочки древних манускриптов
и засохшие куски свободомыслия.
У всех женских статуй
были подрисованы усы,
а в углу на стуле
сидел какой-то галилеянин
с растрепанной бородашкой.
Поодаль
стояла прекрасная, как Фрина,
совершенно нагая Истина.
Она была блондинка,
но волосы на лобке у нее
были темные.

- Неужели и она красится? -
воскликнул Тиберий.
- Увы, но это так! -
сказал галилеянин.

Как громом пораженный,
шатаясь,
спотыкаясь о черепки и обломки,
Тиберий выбрался на свежий воздух,
увидел море
и понял, что проснулся.

Море любило Гомера,

а Тиберий обожал александрийцев.

— У тебя дурной вкус! —

крикнуло море Тиберию.

— А ты отстало от времени! —

крикнул Тиберий морю.

— Ты всего лишь римский император! —

крикнуло море.

— А ты всего лишь Тирренское море, —

крикнул Тиберий.

— погоди, тебя скоро задушат подушкой! —

крикнуло море.

— Ну и пусть! Феокрит все равно выше Гомера! —

крикнул Тиберий.

Гиппокампы

заигрывали с nereидами,

гиппокампы

ржали похотливо.

Нереиды

строили глазки гиппокампам,

нереиды

плескались в волнах.

— Поймайте вон ту, веселую,

с желтыми глазами! —

велел Тиберий.

Поймали и принесли

Уже невеселую

с позеленевшими от страха глазами.

— Чего ты боишься? —

сказал Тиберий, —

я же не варвар!

— А я и не боюсь! —

сказала nereида

и заревела.

— Что ты реवेशь, дура? —

крикнул Тиберий, —

я же Тиберий!

— А я и не реву вовсе, —
сказала nereида, —
это я так.

О, боги! —
подумал Тиберий, —
о, милосердные боги!
Государство гибнет,
молодые люди
ходят в туниках с рукавами,
весталки предаются разврату,
в храмах лежат мертвецы
и Священная дорога завалена мусором,
а я развлекаюсь
здесь, на Капрее!

О, Капрее,
убежище блаженного одиночества моего!

Синие тени
багровых роз
на белых телах
колонн ионических
и грохот,
и грохот,
и грохот прибоя,
и конус Везувия
на горизонте!

Галл воспевал Ликориду,
Катулл — Лесбию,
Тибулл — Делию,
Овидий — Коринну,
Проперций — Кинфию,
но кто воспоеет тебя,
о, Капрее,
остров блаженного безумия моего!

— Скажи мне, Ксенон,
почему на Капрее так много роз?

— Отвечаю тебе, Цезарь:
ты сам велел посадить их,

как можно больше,
потому что Агриппина
любила розы,
а ты до сих пор
любишь Агриппину.

— А скажи мне, Ксенон,
что думают обо мне люди
в темных тогах?

— Отвечаю тебе, Цезарь:
они думают,
что ты давно уже гуляешь
по Елисейским полям,
и их обманывают,
говоря, что ^{ты} уединился
здесь, на Капрее.

— А скажи мне, Ксенон,
что делал Август в Александрии?

— Отвечаю тебе, Цезарь:
В Александрии
он долго разглядывал
тело Александра.
Потом он отломил у мумии
кончик носа
и взял его себе на память.

— А ты не врешь, Ксенон?
Неужели Август был способен на это?

— Ты наивен, Тиберий,
Август был способен на все!

— Нет, не на все!

— Нет, на все!

— Нет не на все!

— Нет, на все!

О, боги! —
подумал Тиберий, —
о, бессмертные боги!
Государство гибнет,

коринфские вазы
продаются втридорога,
народ спивается в кабаках,
матроны превращаются в проституток,
и Галлию опустошают германцы,
а я препираюсь с грамматиком
здесь, на Капрее!

О, счастливые боги! –
вздохнул Тиберий
и стал читать Парфения,
но ему помешала толпа иудеев.
– Варавву! Варавву! –
вопили иудеи.

– Тише! – крикнул Тиберий
и снова принялся за Парфения,
но ему помешал галилеянин
с растрепанной бороденкой.

– Хорошо тебе, Тиберий, –
сказал галилеянин, –
а меня сейчас мучить будут.

– Значит, заслужил! –
сказал Тиберий,
и хотел опять взяться за Парфения,
но увидел прокуратора Пилата, –
он тщательно мыл руки
и выковыривал что-то красное
из-под ногтей.

Вроде бы кровь! –
подумал Тиберий.
А галилеянин уже висел на кресте,
и кровь стекала ему под мышки
и далее по бокам
текла к бедрам.

Даже красиво! –
подумал Тиберий.

Под крестом два легионера
играли в кости на одежду казненного.
- Венера! - кричал один.
- Собака! - кричал другой.
- Мухлюешь! - кричал первый.
- Сам мухлюешь! - кричал второй.
- Схлопочешь! - кричал первый
- Попробуй! - кричал второй.

- Кретины! - крикнул Тиберий, -
разорвите хитон пополам!
- И то верно! - удивились легионеры
и разорвали хитон
со страшным треском.

Почти оглушенный,
шатаясь,
натываясь на колонны и статуи,
Тиберий выбрался на галерею,
увидел море
и понял, что проснулся.

- Крепкий был хитон, -
сказало море
и поглядело на Тиберия
с любопытством.

- Кре-епкий был хитон, -
сказали хором гиппокампы
и заржали понимающе.

- Да, крепкий был хитон, -
сказал Тиберий
и велел зажечь все светильники.
И все удивились,
потому что светило солнце.

- Разыщите мою совесть, -
сказал Тиберий, -
она прячется
где-то в темном углу.
Разыщите и умойте ее,

умастите ее тело
миррой оронтской,
а ладони ей
натрите киннамоном,
облачите ее в тунику
из косской ткани,
а сверху наденьте на нее
шелковую паллу,
нанижите на пальцы ее
перстни Диоскорида,
а в волосы ее
заплетите жемчуг,
возложите на голову ее
венки из белых роз
и приведите ее ко мне,
приведите скорее!

И тащите сюда флейты,
кифары
и сисстры!
И тащите сюда старое фалернское!
И хиосское тоже тащите!
И кладите за стол
всех богов!

О, всемогущие боги!
Я, Тиберий Цезарь,
пригласил вас на пир!
И тебя, Меркурий,
врун и ворюга,
и тебя, Венера,
смазливая шлюха,
и тебя, Марс
кровожадный ублюдок,
и тебя, Миневра,
мужеподобная ханжа,
и тебя, Вакх,
красноносый алкоголик,
и тебя, Юпитер,
старый бабник!

Вот, зрелище,

ласкающее глаз:
шафран и пурпур,
золото и яшма,
и жемчуг
в рыжих женских волосах!

Вот, звуки,
успокаивающие ухо:
бряцанье струн
и флейты чистый голос,
и систра
гулкая, рокошующая медь!

Веселитесь же, беспечные боги.
Пейте,
жрите,
горланьте,
пляшите,
блуйте,
буяньте,
топчите цветы,
бейте вазы,
подриссывайте усы женским статуям
и любуйтесь моей совестью —
поглядите,
какая она чистенькая и нарядная!

Кем я бы^л, почтеннейшие боги?

Я был способным полководцем
и усмирять далматов,
хотя воевал
безо всякого удовольствия.
Я был хорошим мужем,
и Юлия на меня не жаловалась,
хотя о распутстве ее говорил
весь Рим.

Разве я вру, Гай?

Скажи им, что я не вру!

Чего я не любил, мудрейшие боги?

Я не любил роскошь
и на Родосе

я ел из простой самосской посуды,
за что многие меня презирали.
Я не любил гладиаторские бои
и распустил по домам
половину гладиаторов,
за что многие меня возненавидели.
Разве я вру, Друзилла?
Скажи им, что я говорю правду.

Чего я не хотел, добрейшие боги?

Я не хотел казнить поэтов и историков,
но их пришлось казнить,
потому что этого хотели
другие поэты и историки.
Я не хотел власти,
но мне пришлось стать властителем,
потому что властвовать
было больше некому.
Разве я вру, Макрон?
Так скажи же им,
что все это сущая правда!

Чего я хочу, милейшие боги?

Я хочу губкой
стереть свою жизнь
с папируса истории,
как поэты
стирают неудавшиеся места
в своих стихах.

— Не ври, Тиберий,
ты не хочешь этого! —
произнесла статуя Августа,
стоявшая на возвышении.

— Закройте эту статую покрывалом, —
тихо сказал Тиберий.
— Поверните ее лицом к стене, —
сказал Тиберий погромче.
— Бросьте подушку ей на голову! —
крикнул Тиберий.

А статуя сказала:

— Гляди, Тиберий, —
море волнуется!

— Лейте! — крикнул Тиберий, —
лейте в море вино!

Оно хочет выпить!

Бросайте,
бросайте в море жареных мурен!

Оно проголодалось!

Бросайте в море
систры, кифары и флейты!

Оно любит музыку!

Бросайте в море
ожерелья, камней и золотые кубки!

Бросайте в море
этих мраморных богов,
ибо время их истекло:
сегодня после полудня
всадник Понтий Пилат
благополучно умыл руки!

Но казалось,
нет, не казалось, —
Капрея и впрямь покачивалась на волнах
и медленно
медленно разворачивалась.

Но казалось,
нет, не казалось, —
Капрея и впрямь уплывала
в открытое море,
и Везувий уже исчез из глаз!

— Ура!
Мы уплываем! —
крикнул Тиберий, —
мы уплываем куда-то!
Как либурнская галера,
плыла Капрея благоуханная
к холмам Киммерийским.

Вдалеке

стояла невыносимо прекрасная
бесстыдно обнаженная Истина.
Она была настоящая блондинка,
и даже волосы на лобке
у нее были светлыми.

Несколько ближе
на кресте
висел галилеянин с растрепанной
бороденкой.

Он был еще жив.

Один из легионеров подошел к кресту
и, красиво размахнувшись,
воткнул копье
в тело галилеянина.

Гиппокампы ржали торжествующе.

ЭПИЛОГ

По улицам бродит Понтий Пилат
и каждому встречному
сует под нос свои руки.

Удивительно! —
говорят встречные, —
руки идеально чистые,
даже под ногтями бело!

Еще бы! —
говорит Пилат, —
мне пришлось постараться.
Ведь народ кричал:
Варавву! Варавву!
И смятение увеличивалось.

Поразительно! —
говорят встречные, —
такие чистые руки,
а вымыты они без мыла!

Э! — говорит Пилат, —
если бы у меня был
хоть маленький обмылок,
я бы ни секунды не колебался.
Бедь народ кричал:
Распни! Распни его!
И все было ясно.

Потрясающе! —
говорят встречные, —
прошло столько лет,
а руки все чистые!

А как же! — говорит Пилат, —
стараюсь не пачкать.
Все ведь должны убедиться,
что я умыл руки.